

Когда Сюй Юньшань пришёл в больницу, Хэ Мучжи о чём-то непринуждённо болтал с медсестрой.

С их прошлой встречи он ещё больше исхудал. Из-за хронической анемии его кожа казалась болезненно-бледной, почти прозрачной на солнце, а из широких рукавов больничной пижамы выставлялись тонкие, иссушенные болезнью запястья.

Заметив Юньшаня, Мучжи перекинулся с медсестрой парой слов, и та вышла из палаты. Поправив шапочку на голове, он жестом пригласил гостя присесть, а сам закрыл ноутбук и отложил его в сторону. Наученный прошлым опытом, Мучжи побрился наголо сразу же, как попал в стационар. С тех пор он каждый день менял головные уборы — одних только шапок набралось на целый выдвижной ящик.

Сам он утверждал, будто носит их ради тепла, но все прекрасно понимали: в летний зной греть голову незачем — Мучжи просто пытался хоть как-то сберечь привычный внешний вид.

Сюй Юньшань присел на край койки. Взгляд его упал на горку шапок, сваленных на тумбочке; на некоторых даже ценники не срезали.

— Откуда столько?

— Вчера один человек принёс. И это только часть, в шкафу ещё лежит, — ответил Хэ Мучжи. Взяв одну из шапок, он с улыбкой повертел её в руках. — А у него неплохой вкус, правда? Присмотрел себе что-нибудь? Бери, не стесняйся.

Сюй Юньшань лишь промолчал в ответ.

Хэ Мучжи всегда оставался неизлечимым оптимистом. Сколько Юньшань его помнил, тот ни разу не падал духом. Даже когда от химиотерапии тошнило от обычного глотка воды, на его лице всё равно играла улыбка. Вот и сейчас Мучжи казался искренне довольным: примерив новую шапку, он сменил ту, что была на нём, и удовлетворённо улыбнулся.

— Много работы в последнее время? — поинтересовался Мучжи.

— Угу, — отозвался Юньшань. — На площадке плотный график, всё никак не удавалось выкроить время.

— Да даже если бы и выкроил, нечего сюда бегать, — легко отмахнулся Мучжи. — Всё равно толку от тебя никакого, лучше бы поспал лишний час.

Сюй Юньшань взгляделся в его лицо. Никакой горечи или тоски в нём не читалось, однако измождённый вид говорил громче любых слов: эти дни дались Мучжи нелегко. Нанять сиделку было не на что, сам Юньшань вырваться не мог, и Мучжи приходилось ухаживать за собой

самостоятельно, проходя через весь ад лечения в полном одиночестве. Из-за болезни ему требовалось строгое питание, но готовить и привозить домашнюю еду было некому — приходилось довольствоваться больничной столовой. Будучи тяжёлым пациентом, Хэ Мучжи суетился больше, чем иные сиделки, и удерживал его на ногах лишь несокрушимый оптимизм.

Сюй Юньшань сжал губы. На душе тяжело заскребло.

— Вот разгребусь с делами — начну приходить чаще.

— Заходи раз в неделю, мне этого хватит, просто чтобы знать, что у тебя всё в порядке, — Мучжи с улыбкой замахал руками. — А освободишься — лучше иди в люди, заводи знакомства. На съёмках ведь полно народу, неужто вообще никто не приглянулся — ни парня, ни девушки?

Юньшань лишь промолчал. Ну вот, опять он за своё.

Выражение лица Сюй Юньшаня говорило само за себя. Мучжи вздохнул и сокрушённо качнул головой:

— Эх ты... Ну почему в любовных делах ты такой пень?

—... Ты обедал? — сменил тему Юньшань.

— Ещё нет. Сходишь за едой?

— Угу.

— Купи чего-нибудь с нормальным вкусом, — оживился Мучжи. — Несколько дней на одной пресной рисовой каше сижу, зубы сводит.

Просить-то он просил, но во время активной терапии рацион строго ограничивался: от слишком пряной или жирной пищи сразу начиналась рвота, так что жидкая каша оставалась единственным безопасным вариантом. Вместо обычного рисового отвара Юньшань взял кашу из чёрного риса. Когда он вернулся, Мучжи огорчённо скривился, однако спорить не стал и послушно принял миску.

Мучжи остался на койке с миской, а Сюй Юньшань замер рядом, погрузившись в свои мысли. Отделение было переполнено тяжелобольными; пока он шёл по коридору, из разных палат то и дело доносились мучительные звуки рвоты. Юньшань бросил взгляд на Мучжи: тот медленно, с особым усердием отправлял в рот ложку за ложкой. Во всяком случае, еда задерживалась внутри.

Сюй Юньшань опустил глаза и незаметно сжал кулаки.

Столько лет они опирались лишь друг на друга. Мучжи привык сам справляться с любыми бедами, но ведь до того, как в семье случилась катастрофа, о нём заботились с любовью и нежностью. Мать проводила с ним каждую свободную минуту, сама готовила ему, а если была занята, нанимала сиделку, чтобы та ухаживала за ним день и ночь. В те времена брату не приходилось тревожиться об отсутствии денег на лечение, и ему самому не требовалось надрываться на работе, лишь бы заработать на очередную дозу лекарств...

Перед самым его носом неожиданно возник ярко-розовый леденец на палочке. Сюй Юньшань встрепенулся, фокусируя взгляд на сладости.

— Держи, — проговорил Мучжи. — Тех, старых, уже не найти, так что это обновлённая версия.

Юньшань растерянно принял леденец:

—... К чему это вдруг?

Мучжи улыбнулся:

— Эту сцену ведь уже отсняли?

Юньшань сразу понял, о чём он:

— Угу. Самая первая была.

Сюй Юньшань отправил конфету в рот. Вкус прежнего леденца давно изгладился из памяти, и сравнить было не с чем, но этот казался невероятно сладким.

— На самом деле я всё видел тогда, — тихо произнёс Мучжи. — Но выходить не стал.

Сюй Юньшань молча перекатывал во рту сладость. Ещё когда он впервые читал сценарий к той сцене, он обо всём догадался: описанные события и даже реплики один в один повторяли то, что произошло в реальности. Мучжи каким-то образом запомнил тот разговор слово в слово.

— Ты тогда был слишком мал и, наверное, даже не догадывался, в каком ужасном состоянии находилась мама, — продолжил Мучжи. — Хэ Хун развалил компанию и влез в азартные игры. Мама была на грани отчаяния, целыми ночами не могла уснуть у моей постели.

— Мы ведь тогда нашли подходящего донора костного мозга, но им оказался старик под семьдесят с кучей болезней. Мама ходила к его родным, умоляла со слезами, но они так и не согласились, — вздохнул Мучжи. — А потом произошло столько всего... Ты и сам помнишь: Хэ Хун пытался сбежать, требовал денег и вёл себя как последняя дрянь. Несколько лет в доме царил настоящий ад. Я тогда почти всё время лежал в больнице и не знал подробностей, но

каждый раз, видя, в каком виде мама приходит ко мне, обо всём догадывался.

Сюй Юньшань хранил молчание. Сладость во рту померкла. Он слегка сжал зубы, раскусывая леденец, и лишь тогда снова почувствовал яркий вкус.

Мучжи перевёл взгляд на него:

— В сценарии наверняка есть расхождения с реальностью, но я постарался вложить туда всё, что видел своими глазами. Ведь очень многое из этого тебе пришлось пережить самому, верно?

— Угу, — едва слышно отозвался Юньшань.

— А когда снимали... ты смотрел?

— Иногда.

— Посмотри всё, — мягко попросил Мучжи. — Я очень хочу, чтобы ты увидел эту сцену.

Сюй Юньшань поднял глаза.

— Я хочу, чтобы ты наконец взглянул в лицо самому себе, Юньшань, — Мучжи в упор смотрел ему в глаза, и в голосе его звучала глубокая нежность и твёрдость. — Я хочу, чтобы ты понял: твоей вины ни в чём нет.

Когда Сюй Юньшань вернулся на площадку, солнце уже клонилось к закату, окрашивая вечерний небосвод в густой оранжево-алый цвет. Съёмочная группа суежилась у балкона, готовясь к предстоящей сцене. Юньшань кивнул режиссёру У Цюфэну и прошёл во временную гримёрку.

Янь Тин ждал внутри. Завидев его, он тут же спросил:

— Ты где пропал?

Игнорируя вопрос, Юньшань быстрыми шагами подошёл к нему, поставил кейс на стол и опустился на соседнее кресло:

— Давай сначала наложим грим.

Ночные съёмки всегда давались сложнее дневных, а тут ещё и массовки набралась тьма-тьмушая — каждая минута была на счету. Янь Тину требовалось ещё раз пройти по сценарию с Цинь Чжэнь, так что сразу после грима он ушёл на площадку, так и не успев перекинуться с Юньшанем ни словом.

Актёры массовых сцен один за другим покидали гримёрку, за ними на площадку отправились и остальные визажисты. Вскоре Сюй Юньшань вновь остался в полном одиночестве. Он заколот кисти, привёл в порядок косметику и замер, затерявшись взглядом в огромном зеркале.

Пойти посмотреть?

Но ведь он и без того прекрасно знал, что именно сегодня будут снимать.

Шумоизоляция в помещении оставляла желать лучшего: даже сквозь плотно закрытую дверь доносился гул съёмочного процесса. Сцена выходила тяжёлой, дубли раз за разом браковали, а У Цюфэн терпеливо объяснял задачу, пока актёры делились своими соображениями.

Сколько Сюй Юньшань простоял так, прислушиваясь к доносившимся снаружи голосам, пока в голове неотступно звучали слова Хэ Мучжи, он и сам не знал. Когда снаружи в очередной раз прокричали: «Стоп!», он сжал кулаки, решительно поднялся и вышел за дверь.

На площадке Янь Тин и Цинь Чжэнь вполголоса проговаривали реплики. Массовка ждала сигнала. Режиссёр У Цюфэн, едва закончив давать указания осветителям, обернулся и заметил Юньшаня.

— Юньшань? — немного удивился тот. — Ты чего вышел?

— Хочу посмотреть на съёмку, — ответил Сюй Юньшань.

У Цюфэн посмотрел на него с явным замешательством и осторожно намекнул:

— Это ведь последняя сцена Цинь Чжэнь.

— Да, я знаю.

По сюжету семья Сюй Фаня окончательно разорилась; депрессия Сюй Хуаньчжи обострилась до предела, и, не выдержав давящего гнёта, она решила свести счёты с жизнью, шагнув с крыши. Сцена практически до мельчайших деталей повторяла реальные события, с той лишь разницей, что Хэ Мучжи тогда рядом не было, и весь диалог между Сюй Хуаньчжи и Сюй Фанем он сочинил сам.

Режиссёр скользнул взглядом по висящему на плече Юньшаня кейсу и сочувственно произнёс:

— Если тебе тяжело на это смотреть, вернись в гримёрку. Я попрошу Ли Тин прислать кого-нибудь другого подежурить на площадке.

— Всё в порядке, — ровным, лишённым эмоций голосом отозвался Юньшань. — Режиссёр У, я действительно хочу остаться.

У Цюфэн ещё мгновение пристально всматривался в его лицо, но так и не смог разглядеть за этой маской хоть какую-то эмоцию. Вздохнув, он похлопал Юньшаня по плечу и повернулся к мониторам.

Актёры заняли свои позиции, осветители и реквизиторы замерли на местах, а Ли Тин напоследок поправила причёску Цинь Чжэнь. Янь Тин, словно повинувшись внезапному чутью, порывисто обернулся и встретился взглядом с Сюй Юньшанем.

Юньшань стоял в тени. Из-за софитов, бьющих со спины, его лицо тонуло в полумраке, а взгляд казался бездонным провалом, на дне которого надёжно укрылись все его чувства.

Ли Тин подала знак и выскочила из кадра. Режиссёр У взмахнул рукой, и Янь Тин отвёл взгляд.

— Сцена тридцать пять, дубль семь. Мотор!

<http://bllate.org/book/20603/2145903>